

СВѢДѢНІЯ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томъ III.

Контора журнала помѣщается:
на Вас. Остр. 5 лин. д. № 10. кв. 2.

22 мая 1877 г.

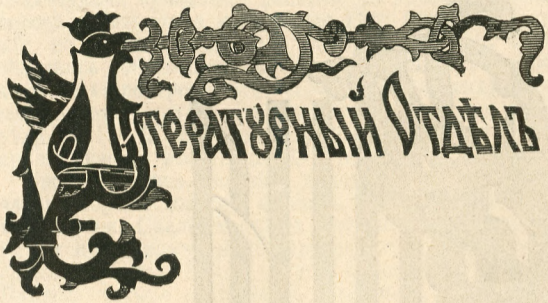
Цѣна за годъ, съ пересылкою, 10 р.
Въ отдѣльной продажѣ за номеръ 30 к.

№ 21.

Генераль-адъютантъ Непокойчицкій, начальникъ главнаго штаба арміи, дѣйствующей на Дунаѣ.

МЪЩАНЕ.

РОМАНЪ

А. Ө. Писемнаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Продолженіе.

Глава IV.

Въ передней между тѣмъ происходила довольно оригинальная сцена: Прокофій, подавъ барину портретъ, усѣлся въ залъ подъ окошкомъ и началъ, по обыкновенію, читать газету. Понималъ-ли онъ то, что читалъ,—это для всѣхъ была тайна, потому что Прокофій никогда ни кому ни слова не говорилъ о прочитанномъ имъ. Вдругъ къ подъѣзду дома Бѣгушева подѣхалъ военный въ коляскѣ, — вѣжалъ на лѣстницу и позвонилъ. Прокофій при этомъ и не думалъ подниматься съ мѣста своего, а только перевелъ глаза съ газеты въ окно и сталъ смотрѣть, какъ коляска отѣхала отъ крыльца и поворачивалась. Военный позвонилъ въ другой разъ и раздался крикъ Бѣгушева. На этотъ зовъ изъ заднихъ комнатъ выбѣжалъ молодой лакей: тогда Прокофій всталъ съ своего мѣста.

— Ну, да, поспѣлъ... не отворять пуще безъ тебя!..—проговорилъ онъ тому.

Молодой лакей, дѣлать нечего, ушелъ назадъ, а Прокофій отправился въ переднюю и отворилъ наконецъ тамъ дверь.

Вошелъ Янсутскій.

— Дома Александръ Ивановичъ?—спросилъ онъ сначала очень бойко.

— Дома-съ! отвѣчалъ ему явно насмѣшливымъ голосомъ Прокофій.

— Принимаетъ? продолжалъ Янсутскій нѣсколько смиреннѣе.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ Прокофій.

Янсутскій почти опѣшилъ.

— Но кто же знаетъ, любезный?—спросилъ онъ тоже въ свою очередь насмѣшливо.

Прокофій нахмурился.

— Ваша какъ фамилія? сказалъ онъ.

— Полковникъ Янсутскій, отвѣчалъ Янсутскій съ удареніемъ на словѣ полковникъ.

Но на Прокофія это нисколько не подѣйствовало.

— А имя ваше и отчество? — продолжалъ онъ спрашивать.

— Петръ Евсигнѣичъ! отвѣчалъ Янсутскій нѣсколько удивленный такимъ любопытствомъ.

Прокофій подумалъ нѣкоторое время.

— У нихъ гость теперь изъ Петербурга, — у насъ и остановился—объяснилъ онъ наконецъ.

— Кто-жь такой? спросилъ Янсутскій.

— Тайный совѣтникъ Тюменевъ, сказалъ Прокофій.

Янсутскій при этомъ вспыхнулъ немного въ лицѣ.

— Это статсъ-секретарь? сказалъ онъ.

— Статсъ-секретарь! повторилъ за нимъ Прокофій.

Янсутскій нѣсколько минутъ остался въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

— Я его немножко знаю; но, можетъ быть, Александръ Ивановичъ занятъ съ нимъ и не приметъ меня?—проговорилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Снимите шинель-то! почти приказалъ ему Прокофій.

Янсутскій повиновался.

Прокофій пошелъ медленно и, войдя въ кабинетъ, не сейчасъ доложилъ, а сначала началъ прибирать кофейный приборъ, такъ что Бѣгушевъ самъ его спросилъ.

— Кто тамъ звонилъ? пріѣхалъ, что-ли, кто?

— Полковникъ Янсутскій спрашиваетъ: примите-ли вы его, пробормоталъ себѣ почти подъ носъ Прокофій.

Бѣгушевъ взглянулъ на Тюменева.

— Тебя не стѣснить этотъ господинъ? отнесся онъ къ нему.

— Нисколько.

— Прими! сказалъ Бѣгушевъ Прокофію, а тотъ опять пошелъ медленно и не торопливо.

Янсутскій, впродолженіи всего этого времени, охорашивался и причесывался передъ зеркаломъ.

— Пожалуйте-съ! разрѣшилъ ему Прокофій.

При входѣ въ диванную, Янсутскій замѣтно былъ сконфуженъ, такъ что у него едва хватило духу поклониться первоначально хозяину, а не Тюменеву.

— Я воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ! проговорилъ онъ какъ-то жеманно.

— Очень радъ васъ видѣть, сказалъ ему вѣжливо Бѣгушевъ, и затѣмъ проговорилъ, Тюменеву—г-нъ Янсутскій!

Янсутскій мгновенно-же и очень низко поклонился тому; но руки не рѣшился мротянуть!

— Пріятель мой Тюменевъ! объявилъ ему Бѣгушевъ.

Тюменевъ при этомъ едва только кивнулъ головой, а руки тоже не двинулъ нисколько и лице его при этомъ выражало столько холодности и равнодушія, что Бѣгушеву даже сдѣлалось немножко жаль Янсутскаго.

Усѣлись всѣ.

Янсутскій, впрочемъ, скоро овладѣлъ собой.

— Какъ ваше здоровье? отнесся онъ къ хозяину.

— Благодарю, здоровъ!—Какъ сегодня: холодно?—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Свѣжо! отвѣчалъ Янсутскій.

Тюменевъ сдѣлалъ движеніе, которымъ явно показалъ, что онъ хочетъ говорить.

— Скажи, обратился онъ прямо и исключительно къ одному только Бѣгушеву: правду-ли говорятъ, что въ Москвѣ послѣдніе десять лѣтъ сдѣлалось холоднѣе, чѣмъ было прежде?

— То-есть, какъ тебѣ сказать: перемѣни-вѣ какъ-то погода стала, дуютъ какіе-то безпрестанно глушыя вѣтра, проговорилъ тотъ.

— И дѣйствительно-ли причина тому та, продолжалъ Тюменевъ, что по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ вырубаютъ очень много лѣсовъ?

— Непремѣнно эта причина! подхватилъ Янсутскій очень довольный тѣмъ, что можетъ вмѣшаться въ разговоръ: лѣса, какъ извѣстно, задерживаютъ влагу, а влага умѣряетъ тепло и холодъ, и при обиліи ея въ воздухѣ рѣзкихъ перемѣнъ обыкновенно не бываетъ.

— Истинна совершеннѣйшая! подтвердилъ Бѣгушевъ: въ тонѣ его голоса слышался легкій оттѣнокъ насмѣшки, но Янсутскій, кажется, не замѣтилъ того.

— Этого весьма печальнаго, конечно, истребленія лѣсовъ, можетъ быть, современемъ избѣгутъ, снова заговорилъ онъ: въ наше время наука дѣлаетъ столько открытій, что возможно всего ожидать!.. Вотъ взять, напримѣръ, эту руку... (Янсутскій показалъ при этомъ на свою руку). Когда она находится въ покоѣ, то венозная кровь, проходя чрезъ нее, сохраняетъ въ себѣ 7½ процентовъ кислорода, но разъ я ее двинулъ, привелъ въ движеніе... (Янсутскій въ самомъ дѣлѣ двинулъ рукой и сжалъ даже пальцы въ кулакъ) то въ ней уже не осталось ничего кислорода: онъ весь поглощенъ углеродомъ крови, а чтобы освободить снова углеродъ нужна работа солнца,—значить: моя работа есть результатъ работы солнца или точнѣе сказать: это есть тоже работа солнца, перешедшая черезъ извѣстныя тамъ степенни!..

Бѣгушевъ слушалъ Янсутскаго довольно внимательно и только держалъ голову потупленною; но Тюменевъ явно показывалъ, что онъ его не слушаетъ: онъ поднималъ лице свое вверхъ, зѣвалъ и наконецъ взялъ въ руки опять портретъ Домны Осиповны и сталъ разсматривать его.

Янсутскій между тѣмъ видимо разгорячился.

— Въ желѣзно-дорожномъ двигателѣ почти тоже самое происходитъ, говорилъ онъ, кинувъ мелькомъ взглядъ на этотъ портретъ: тутъ нужна теплота, чтобы превратить воду въ пары; этого достигаютъ, соединяя углеродъ дровъ съ кислородомъ воздуха; но чтобы углеродъ былъ въ дровахъ и находился въ свободномъ состояніи, для этого нужна опять таки работа солнца, поэтому насъ и на пароходахъ и въ вагонахъ, везетъ тоже солнце, — теорія эта довольно новая и по моему весьма остроумная и справедливая.

— Не особенно новая, она у меня даже есть! красненькая книжка такая, переводъ лекцій Рейса, 70-го года, кажется! — произнесъ какъ бы совершенно невиннымъ голосомъ Бѣгушевъ.

Янсутскій немного смутился.

— Я не знаю, есть-ли переводъ, но я слушалъ это въ германскихъ университетахъ; года два тому назадъ я ѣздилъ и хотѣлъ нѣсколько возобновить свои свѣденія въ естественныхъ наукахъ.

— Всѣ эти открытія, я думаю, для эксплуататоровъ не суть важны... замѣтилъ Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ-съ! напротивъ, напротивъ! воскликнулъ Янсутскій, потому что, какъ говорятъ газеты, справедливо-ли это, я не знаю, но сдѣлано уже примѣненіе этой теоріи... Прямо собираютъ солнечные лучи въ резервуаръ и ими пользуются.

— Но какой же результатъ этого будетъ? спросилъ Бѣгушевъ.

— Тотъ, что удешевится перевозка! подхватилъ Янсутскій.

— А тарифъ останется все тотъ-же? продолжалъ Бѣгушевъ.

— Тарифъ, можетъ быть, останется и тотъ-же! отвѣчалъ Янсутскій и засмѣялся.

— Да, вотъ съ этой стороны я понимаю! произнесъ Бѣгушевъ.

— Что же!.. возразилъ ему Янсутскій, пожимая плечами и нѣкоторымъ тономъ философа: таково свойство людей...

На этомъ мѣстѣ Тюменевъ положилъ портретъ въ сторону и снова заявилъ желаніе говорить.

— Вѣроятно, на передвиженіи дороги, будь она производима дровами или прямо солнцемъ, многого не наживешь; но люди составили себѣ состоянія, строя ихъ! отнесся онъ опять больше къ Бѣгушеву.

— То есть, когда давали по полутора тысячь на версту, а она стояла всего пятьдесятъ... замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Ну, положимъ, что и побольше, возразилъ Янсутскій. Я-съ эти дѣла знаю очень хорошо: я былъ и производителемъ работъ, и начальникомъ дистанціи, и подрядчикомъ, и директоромъ въ настоящее время нѣсколькихъ компаній и вотъ, кладя руку на сердце, долженъ сказать, что точно: въ началѣ эти дѣла были превосходныя, но теперь этой конкуренціей они испорчены до послѣдней степени.

— Напротивъ, я полагаю, поправлены нѣсколько, сказалъ Бѣгушевъ, нельзя же допускать, чтобы люди въ какіе нибудь мѣсяцы наживали себѣ миллионы,—это явленіе безнравственное!

— Я говорю испорчены собственно въ коммерческомъ смыслѣ, объяснилъ Янсутскій, но наконецъ, по чему жъ безнравственное явленіе, присовокупилъ онъ, пожимая плечами: это потеря... счастье. Вы берете билетъ: у одного, онъ попадаетъ въ тиражъ, другому выигрываетъ 25 тысячъ, а третьему 200 тысячъ.

— Но только въ вашемъ дѣлѣ это нѣсколько повѣрнѣе, на большее число благоприятныхъ случаевъ разсчитано, если не цѣлкомъ они одни только и взяты! отнесся Тюменевъ на этотъ разъ уже къ Янсутскому.

— Никакъ этого, ваше превосходительство, не возможно сдѣлать, возразилъ тотъ, самымъ почтительнымъ тономъ; извольте вы взять одни земляныя работы. — У васъ гора, вамъ надобно ее срыть или провести сквозь нее туннель; въ верхнихъ слояхъ, которые вы можете изслѣдовать, она или суглиниста или супесокъ, а пошли внутрь—тамъ кремень, а это разница огромная въ стоимости!.. Белото теперь у васъ на пути: вы въ него, положимъ, разсчитали вбить двѣ тысячи свай; а вамъ, можетъ быть, придется вбить ихъ двадцать тысячъ. — Потомъ-съ, цѣны на хлѣбъ въ прошломъ году были одѣ, а нынче вдвое; на желѣзо и кирпичъ тоже.

— Ну, перебилъ его Тюменевъ, на все это, я думаю, прикинуто довольно.

— Гдѣ-жъ прикинуто! Изъ чего, когда по 40 тысячъ на версту берутъ, воскликнулъ невольнымъ тономъ Янсутскій. Я вотъ имѣю капиталы и опытность въ этихъ дѣлахъ, но рѣшительно кидаю ихъ, потому что добросовѣстно и честно при такихъ цѣнахъ выполнить этого дѣла невозможно: я лучше обращусь къ другимъ какимъ нибудь предпріятіямъ. На эти слова Янсутскаго собесѣдника его ничего не возразили и только у обоихъ на лицахъ, какъ бы написано было: «мошенникъ ты, мошенникъ этакой, еще о честности и добросовѣстности говоришь; мало барышей попадаетъ въ твою ненасытную лапу, вотъ ты и отворачиваешь рыло отъ этихъ дѣлъ!»

— Я бы вотъ даже, снова заговорилъ Янсутскій, оборачиваясь къ Тюменеву, осмѣлился спросить ваше превосходительство, если это не будетъ большою нескромностью: то предпріятіе, по которому я имѣлъ смѣлость беспокоить васъ, какъ оно и въ какомъ положеніи?

— Провалилось! отвѣчалъ съ явнымъ удовольствіемъ Тюменевъ.

Янсутскій покраснѣлъ.

— Очень жаль, сказалъ онъ, съ гримасой и пожимая плечами: но какая-же причина тому?

— Очень оно фантастично, черезъ чуръ фактивно! отвѣчалъ съ усмѣшкой Тюменевъ.

— На какихъ-же данныхъ такой взглядъ на него могъ установиться? продолжалъ Янсутскій.

— На самыхъ точныхъ данныхъ, которыя были собраны объ немъ, отвѣчалъ ему Тюменевъ и обратился къ Бѣгушеву. Въ послѣдній вѣнскій кризисъ... можетъ это и выдумка, но во всякомъ случаѣ очень хорошо характеризующая время... положимъ можно изобрѣсть предпріятіе на разработку какого нибудь вещества, котораго мало въ извѣстной мѣстности находится... изобрѣсть предпріятіе на разработку предмета, совершенно не существующаго въ этой мѣстности,—но тамъ открылось предпріятіе, утвержденное правительствомъ, и акціи котораго превосходнѣйшимъ образомъ разошлись въ которомъ поименованной мѣстности совсѣмъ не существовало на всемъ земномъ шарѣ, — вотъ и ваше дѣло нѣсколько въ этомъ родѣ, заключилъ онъ, относясь къ Янсутскому.

— Не думаю-съ! возразилъ тотъ съ прежней гримасой въ лицѣ. Я, впрочемъ, тутъ только денежнымъ образомъ участвую, пай имѣю!

— Да, но пай могутъ быть проданы!.. Я говорю это не лично про васъ, но бывають случаи, что люди, знающіе хорошо подкладку дѣла, сейчасъ-же продаютъ свои пай и продаютъ очень выгодно, а люди, невѣдующіе того, покупаютъ ихъ, и потомъ плачутся, проговорилъ насмѣшливо Тюменевъ.

— Нѣтъ-съ, я не продамъ-бы моихъ паевъ, я дѣло понимаю иначе, сказалъ съ достоинствомъ Янсутскій и затѣмъ обратился къ Бѣгушеву.

— А я было, Александръ Ивановичъ, пріѣхалъ къ вамъ попросить васъ откушать ко мнѣ, я собственно живу здѣсь нѣсколько на бивуакахъ, но тутъ существуютъ прекрасныя отели, можно недурно пообѣдать, проговорилъ онъ заискивающимъ голосомъ.

Бѣгушевъ нахмурился.

— Но когда вамъ это угодно? спросилъ онъ.

— Въ среду, въ шесть часовъ, въ Hôtel de France. Я именинникъ и хочется немножко отпраздновать этотъ день... будутъ нѣкоторые мои знакомые и дамы между прочимъ.

— Дамы? переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да! вотъ эта m-me Мѣрова, а потомъ наша общая съ вами знакомая, Домна Осиповна Олухова, портретъ которой я, кажется, и вижу у васъ!.. объяснилъ Янсутскій, показывая глазами на портретъ.

Бѣгушевъ при этомъ немного смутился и вмѣстѣ съ тѣмъ переглянулся съ Тюменевымъ.

— Вы знакомы, значить, съ Домной Осиповной? спросилъ онъ!

— О, Боже мой, сколько лѣтъ! воскликнулъ Янсутскій. Я началъ знать ее съ первыхъ дней ея замужства, и могу сказать, что это примѣрная женщина въ наше время... идеаль, если можно такъ выразиться.....

— А что за господинъ ея мужъ? спросилъ Бѣгушевъ.

Янсутскій пожалъ плечами.

— Это купеческій сынокъ, человекъ очень добрый, который умѣетъ только проматывать, но никакъ не наживать... Домна Осиповна столько отъ него страдала, столько перенесла, по тому что каждо-минутно видѣла и мотовство и прочее все... Она цѣплялась за все и употребляла всѣ средства, чтобы какъ нубудь сохранить и удержать свою семейную жизнь, но ничто не помогло.

Бѣгушевъ слушалъ Янсутскаго съ какимъ то мрачнымъ вниманіемъ.

— Безъ лести можно сказать, продолжалъ тотъ съ чувствомъ, не этакого-бы человека любви была достойна эта женщина... когда я ей сказалъ, что, можетъ быть, будете и вы, она говоритъ: «ахъ, я очень рада! скажите Александру Ивановичу, чтобы онъ непременно пріѣхалъ».

— Я буду-съ, произнесъ съ тѣмъ-же мрачнымъ видомъ Бѣгушевъ.

— Ваше превосходительство, отнесся уже къ Тюменеву Янсутскій и вставая при этомъ на ноги: я осмѣлился бы покорнѣе просить и васъ посѣтить меня.

— Благодарю васъ, но я въ этотъ день думаю уѣхать изъ Москвы.

— Но день можно перемѣнить; я именины могу раньше отпраздновать! подхватилъ Янсутскій.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, я вовсе не желаю васъ такъ стѣснять, проговорилъ Тюменевъ, нѣсколько сконфуженный и удивленный такою смѣшною угодливостью отъ человека, которому онъ сейчасъ только говорилъ колкости.

— Что за вздоръ, уѣдешь! вмѣшался Бѣгушевъ: оставайся до четверга, и поѣдемъ!

— Ты желаешь этого? спросилъ Тюменевъ.

— Очень, я тебя, кстати, познакомлю тутъ съ Домной Осиповной, отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Извольте-съ, я буду! обратился Тюменевъ къ Янсутскому.

— Очень вамъ благодаренъ! произнесъ тотъ дѣйствительно обрадованнымъ голосомъ, а потомъ раскланялся и ушелъ.

— И это вотъ тоже герой дня,—хорошъ? спросилъ съ грустью Бѣгушевъ, разумѣя конечно Янсутскаго.

— Да, подтвердилъ Тюменевъ, но я сильно подозреваю, это Домну Осиповну онъ для тебя пригласилъ.

— Конечно!.. воскликнулъ Бѣгушевъ: хотя въ сущности онъ что удовольствіе доставляетъ мнѣ изъ за тебя!

— Изъ за меня? спросилъ не безъ удивленія Тюменевъ.

— Изъ за тебя! Каждый разъ какъ ты у меня погостишь, нѣсколько этакихъ каналовъ — толстосумовъ являются ко мнѣ для изъявленія почтенія и уваженія. — Хотѣ и либеральничаютъ на словахъ, а хамы въ душѣ, трепещутъ и благоговѣютъ передъ государственными сановниками!

— Трепещутъ? спросилъ Тюменевъ, проникнутый тайнымъ удовольствіемъ.

— Сильно! подтвердилъ Бѣгушевъ.

(Продолженіе будетъ).

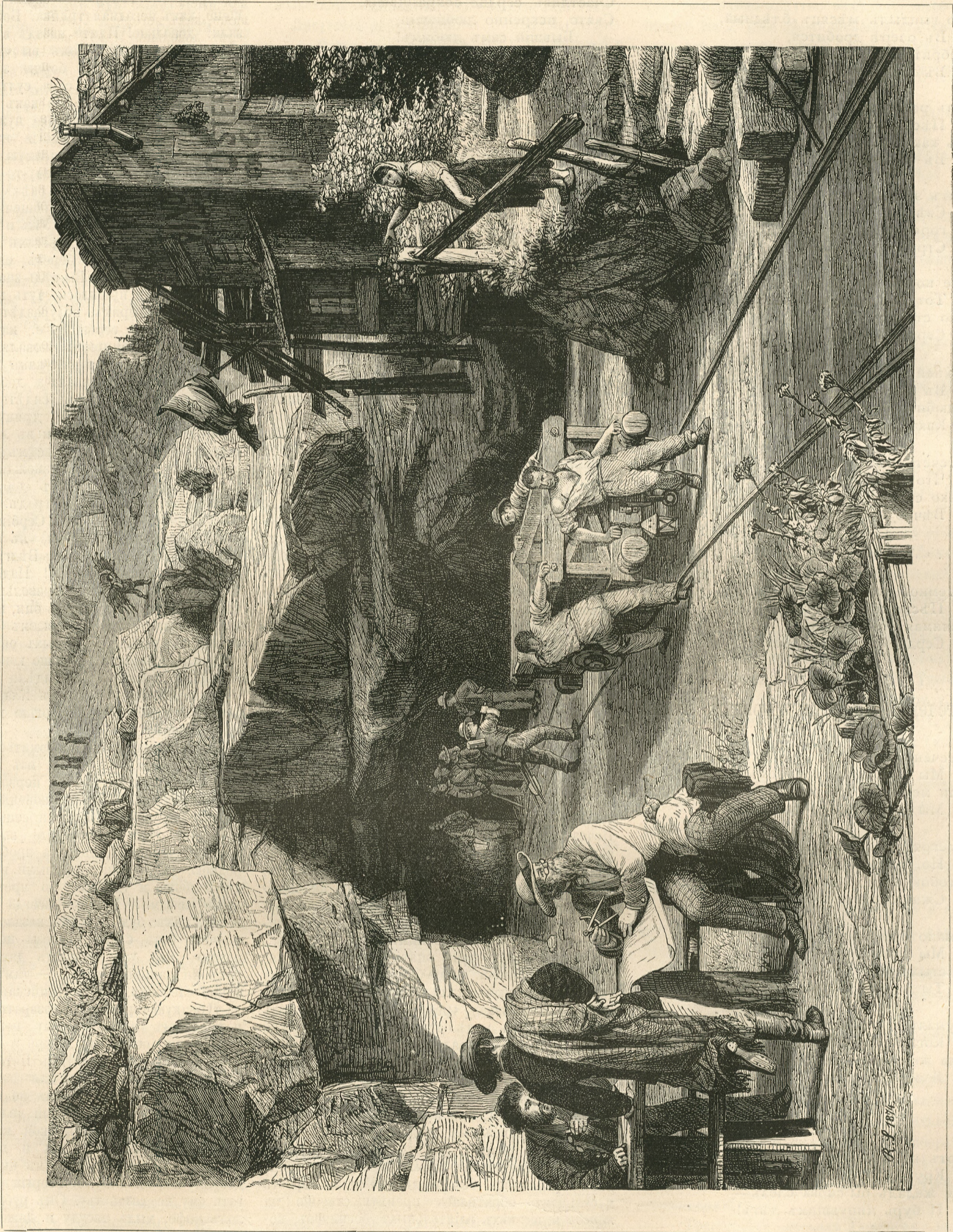
САЛОНЪ 1877.

АМУРЪ И ПАРКА,
со статуи Г. Доре.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ ОТЪ АЛЬПЪ ДО ЭТНЫ.

Построение туннеля на Сентъ-Готардской дорогѣ.

Солнце за лѣсъ закатилось...

Солнце за лѣсъ закатилось,
Свѣжестью пахнуло,
Въ камышахъ, подъ лаской неба,
Озеро заснуло.

Тихо выплыль мѣсяць блѣдный,
Въ озерѣ дробится,
Серебрить его поверхность,
Въ глубь его глядится.

А изъ роши пѣсня счастья,
Пѣснь любви несется,
И съ какой-то тайной болью
Въ сердцѣ отдается.

Будить эта пѣснь невольно
Свѣтлое былое,
Все, горячимъ этимъ сердцемъ,
Страстно прожитое.

Тѣже ночи... та же пѣсня...
Тотъ же мѣсяць свѣтитъ,
Да по старому на пѣсню,
Сердце не отвѣтитъ!

Прежней вѣры, чистой вѣры
Въ немъ уже не стало,
Не любить ему, не биться,
Какъ уже бывало!

Не течетъ рѣка обратно,
Что прошло—не будетъ...
Только сердце дней минувшихъ
Вѣчно не забудетъ.

Въ темной рошѣ пѣсня счастья,
Пѣсня нѣги льется,—
И, внимая этой пѣсни,
Сердце съ болью бьется...

Въ теченьи многихъ, многихъ лѣтъ...

Въ теченьи многихъ, многихъ лѣтъ
Мы шли однимъ путемъ...
Вдали мелькаль предъ нами свѣтъ,
Мы дрогли подъ дождемъ.

Не легкокъ былъ безвѣстный путь,
Но мы, рука съ рукой,
Съ тобою шли... тоскливо грудь
Сжималася порой.

Не мало бурь, не мало грозъ
Мы видѣли въ пути...
И частыхъ бурь, и глужихъ слезъ
Ты не могла снести.

И думаль я тогда съ тоской:
Когда жь конецъ борьбѣ?
Когда же счастье и покой
Я обрѣту себѣ?

И вотъ нѣтъ тучь, и нѣту грозъ,
Кругомъ и тишь и свѣтъ...
Но я желаль бы снова слезъ—
И бурь минувшихъ лѣтъ!

Счастливь, кто талантъ природный...

Счастливь, кто талантъ природный
Свѣтомъ знанья укрѣпилъ,
И для пользы всенародной
Мыслью свѣтлой, благородной
Честно, доблестно служилъ.

Счастливь, кто свои мечтанья
Сохранить до гроба могъ,
Кто не палъ отъ испытанья,
Гордо вынесъ всѣ страданья,
Кто въ борьбѣ не изнемогъ.

Но счастливъ не только жившій,
Вѣра принципамъ своимъ,
Счастливь, сердце сохранившій,
Свято, искренно любившій,
Бывшій самъ любимъ!

А. Кругловъ.

Письмо изъ Сербіи.

Священники войны.

(Отъ нашего корреспондента въ Сербіи, А. Хитрова).

Въ этомъ письмѣ я хочу познакомить читателей съ моими хорошими пріятелями, боснійскими священниками—добровольцами. Читатели вѣрно не побрезгуютъ знакомствомъ съ этими жалкими райями, этими, не совсѣмъ-то обычными воинами, служителями алтаря и проповѣдниками мира на землѣ.

Помните, когда загорѣлась сербско-турецкая война, среди райи, почти по всему Балканскому полуострову, началось глухое волненіе. Райя, какъ бы послѣ долгаго и тяжелого сна, что то почувявъ, по всюду, мало по малу, начала пробуждаться. Глухое волненіе, по мѣстамъ, переходило въ открытыя мелкія вспышки. Славяне встрепенулись. Завидѣвъ на горизонтѣ и багровое зарево войны, блѣдная райя подумала: „то зоря свободы занимается“... Да, тогда надъ Балканами, тамъ, гдѣ царилъ „вѣчная ночь“, небо вдругъ освѣтилось. Тогда, при этомъ багровомъ свѣтѣ, весь міръ увидѣлъ „невѣдомую“ ему, ужасную картину. На Балканахъ, во мракѣ, точно въ аду, пригвожденная къ скалѣ, вся въ цѣпяхъ, обливаясь кровію, съ адскими и невыразимыми муками на лицѣ, висѣла вѣчная «Балканская мученица». Она тяжко на весь міръ простонала: «доколѣ о Господи?»... Весь христіанскій міръ тогда содрогнулся отъ этого ужаснаго стона... Но пожаръ успѣли потушить. Какъ послѣ метеора, все освѣтившаго и исчезнуваго вдругъ, надъ Балканами снова легъ еще болѣе непроницаемый мракъ, и опять тамъ стала былоцарить непроглядная „вѣчная ночь“. Исчезла въ этой «сѣни смертной» и ужасная картина, такъ перепугавшая всѣхъ... Всему западному человѣчеству хотѣли растолковать, что на Балканахъ оно ровно ничего не видѣло «ужаснаго», и если оно все содрогнулось тогда при видѣ страшной и потрясающей картины, — такъ это просто съ нимъ былъ кошмаръ...

Окровавленную райю опять спеленали цѣпями, а чтобъ писку ея не было слышно, надъ ея ухомъ «пестуны» стали трясти погремущими пустыхъ и звонкихъ «реформъ», старались дать *снотворнаго*, въ видѣ одуряющей мусульманской конституціи, ублаживали и укачивали сладкими пѣснями о чудномъ ея *будущемъ*, и съ нетерпѣніемъ ждали когда же наконецъ, эта райя *на вѣки* заснетъ...

Въ Босніи, когда началась сербско-турецкая война, глухое волненіе среди райи, какъ передаютъ, было повсюду замѣтно. Но турки здѣсь приняла энергическія мѣры. Зародыши возстанія истреблялись беспощадно. Вся же ярость мусульманъ обратилась преимущественно на *поповъ* и на тѣхъ вліятельныхъ босняковъ, которые заражены были «освободительной» идеей. Турки, конечно, знаютъ, что темную массу райи всегда легче сдавить, истребивши тѣхъ, которые могутъ открывать ей глаза и руководить ею. Многихъ священниковъ, какъ возмутителей, турки тайно намѣтили къ смерти. Имъ, быть можетъ, грозила ужасная смерть; но пастыри, бросивши свою разбѣжавшуюся паству, свои беззащитныя семейства, бѣжали къ бере-

гамъ Дрины, туда, гдѣ въ это время уже развивалось знамя съ давно желанными на немъ словами: «освобожденіе Босніи». Съ оружіемъ въ рукахъ, съ глубокою надеждою въ сердцѣ, мирные пастыри церкви стали подъ это знамя, какъ простые солдаты. Они рѣшились со своими земляками не выпускать этого знамени до тѣхъ поръ, пока ихъ «Босна» не будетъ свободна, или умереть. Теперь это знамя свернуто и брошено, какъ негодная тряпка. Боснякамъ же сказали: довольно! Идите назадъ въ свою Боснію, *фала* вамъ и султаномъ вы «прощены!» Да, утѣштесь, печальные борцы за освобожденіе Босніи, вы прощены, самъ султанъ васъ простилъ за эту шалость!.. Но какъ не мила родная сторона, какъ не велика нужда нищенство на чужбинѣ, знаю, не многіе изъ нихъ пожелали вернуться въ прощенную «Босну» прощенными сынами ея. Почему-то мнѣ изъ всѣхъ несчастныхъ существъ на свѣтѣ теперь больше всего жалъ вотъ этихъ „прощенныхъ шалуновъ“, босняковъ-добровольцевъ. Ужъ и заморились они сердечные, сидя на берегахъ Дрины и все посматривая на тотъ берегъ ея, гдѣ лежитъ родная ихъ «Босна». Вы вѣдь знаете, дринскимъ добровольцамъ пришлось чуть не цѣлый годъ сидѣть въ лагеряхъ, полураздѣтыми, полуголодными... Сами-то сербы, т. е. народное войско, тотчасъ за перемиріемъ повалили по своимъ теплымъ кучамъ, которыя какъ магнитъ всегда ихъ къ себѣ притягивали а добровольцевъ заставили и осень и зиму сидѣть въ холодныхъ лагеряхъ да караулить Дрину. Такъ цѣлую осень и зиму и просидѣли въ лагеряхъ добровольцы и забнули, и совсѣмъ изныли отъ непонятнаго имъ такого измощающаго и душу и тѣло *сидѣнья*... Затѣмъ добровольцевъ, заморивъ, пригнали въ Бѣлградъ. (Ихъ тогда перемѣщали съ одного края Сербіи совершенно въ другой, противоположный, въ Кладово... уже подальше отъ «Босны»). Въ Бѣлградѣ ихъ встрѣтили съ музыкой (еще бы! Надо же пріободрить-то заморенныхъ добровольцевъ), а размѣстили по кафанамъ! Затѣмъ они, пріободрившись, маршировали предъ княземъ Миланомъ на свѣжной площади въ худыхъ опанкахъ Миланъ тутъ имъ сказалъ: „Хорошо юнаци! Благодарю за вѣрную службу... Вы сидѣли прежде на Дринѣ, идите теперь сидѣть въ Кладово“... «Живію!» крикнули добровольцы. Пошли и посидѣли еще въ Кладовѣ.

Мнѣ пришлось познакомиться со многими священниками, бѣглецами изъ Босніи. Какъ я уже упоминалъ въ своемъ первомъ письмѣ, два священника жили въ Петковацкомъ монастырѣ. Одинъ изъ нихъ о. Георгій, еще совсѣмъ юноша, всего лѣтъ 22-хъ. Это высокій, статный молодой человѣкъ, съ едва пробивающеюся бородкою, съ русыми кудрявыми волосами, высокимъ лбомъ и умными, но чрезвычайно грустными глазами. У него всегда губы такъ сложены, какъ будто, мнѣ казалось, онъ вѣчно плачетъ безъ слезъ, и слезы не льются лишь потому, что уже давнымъ давно изсыкли,—и какъ ни напрягай глазъ, — тамъ нѣтъ уже ни одной слезинки. Когда Дринская армія оставила турецкую территорию, возвратилась во свояси и предалась ненарушимою покою, о. Георгій заболѣвши, оставилъ лагерь и пошелъ искать себѣ пріюта въ монастырь Петковацъ. Но въ стѣнахъ монастырскихъ для него не нашлось угла и членомъ братіи онъ не былъ принятъ. Къ счастью нашелся добрый человѣкъ, именно газда (хозяинъ) монастырской кафаны, родомъ тоже изъ Босніи, который и пріютилъ его у себя въ кафанѣ. Чтобы чѣмъ нибудь отплатить добродушному кафанщику, о. Георгій старался помогать ему по хозяйству. Онъ рубилъ дрова, молотъ кофе, мылъ посуду и даже нянчилъ дѣтей. Другой священникъ боснякъ, старикъ, съ длинною сѣдою бородою, тихій, молчаливый, — всѣмъ напоминалъ мнѣ нашего типичнаго сельскаго священника—старца. Ему дана была келья въ монастырѣ и онъ былъ принятъ членомъ братіи (онъ хлопоталъ объ этомъ у Митрополита). Старецъ каждый Божій день служилъ въ часовнѣ утреню, часы и вечерню, часто совершенно одинъ-одинешенекъ въ тихой и убогой

монастырской мошальи. Бывало поднимется, встанет он до зари, залезет на полуразвалившуюся колоколенку, позвонит и идет в часовню. Надвину коротенькую ризу (онъ обыкновенно ходилъ въ національномъ костюмѣ сербскомъ, — на немъ были гуны и чакширы) (Гуны это верхнее платье сербовъ, короткое, всего по поясъ, чакширы панталоны чрезвычайно широкие сзади) старецъ затеплитъ предъ иконами одну свѣчу, накуритъ всю часовню ладаномъ, (на угляхъ въ черепочкѣ), и начнетъ пѣть и читать тихимъ замогильнымъ голосомъ. Но, случалось, начавши службу чуть не шопотомъ, голосъ старца постепенно возвышался, дѣлался все печальнѣе и печальнѣе, и бывало такъ, что къ концу службы, онъ такимъ раздражающимъ душу голосомъ пѣлъ, что нельзя было разобрать — поетъ ли онъ службу, или плачетъ навзрыдь. По палатамъ больные и раненные просыпались, начинали креститься и тихо поддѣвать своему богословному пастырю.

Кромѣ этихъ двухъ священниковъ, мнѣ пришлось видѣть и познакомиться со многими другими пастырями боснійскими, именно въ русской Петковицкой больницѣ, въ Имбацкомъ госпиталѣ, въ монастырѣ *Чекешинь* (недалеко отъ *Петковицы*) и также въ лагеряхъ на Дринѣ. Все это самый несчастный народъ и производилъ всегда на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я знаю, что этимъ „прощенымъ“ священникамъ-воинамъ придется долго не видѣть родной стороны. Чтобы вернуться на родину къ своей осиротѣвшей пастырь, къ своимъ, чай голодающимъ теперь семействамъ, къ храмамъ своимъ, быть можетъ теперь уже разрушеннымъ или, уже навѣрное, разграбленнымъ; чтобы рискнуть вернуться въ Боснію въ настоящее время бѣднымъ пастырямъ, согласитесь, нужно обладать не только немалымъ мужествомъ, но, пожалуй, еще и очень большимъ героизмомъ. (Имѣю положительныя свѣдѣнія, что даже въ Австріи возвращающихся добровольцевъ изъ Сербіи заключаютъ въ тюрьму). Да къ чему, подумаешь, тутъ и героизмъ. Что теперь ждетъ ихъ въ Босніи, въ этой много страдальной странѣ, гдѣ въ такомъ избыткѣ (и тщетно!) еще только вчера орошалась почва христіанскою кровью, и гдѣ непрерывно, то здѣсь, то тамъ — не тайно, а на глазахъ цѣлой Европы — и *сейчасъ* безпримечательно льется эта, ни въ чемъ неповинная кровь? Священники твердо знаютъ, что на родинѣ ихъ ждетъ страшная мусульманская (правда, быть можетъ, на время затаенная), мечь, быть можетъ, копь, висѣлицы, или — къ чему теперь турки, (какъ слышно) прибѣгаютъ охотнѣе — тайный ядъ, ножъ въ темнотѣ, камень изъ за угла, словомъ вѣрная смерть отъ руки озлобленнаго мстителя.

Я спрашивалъ не разъ священниковъ, получили ли они какія нибудь вѣсти изъ Босніи и живы ли ихъ семейства.

— Нѣтъ, — отвѣчали уныло, ничего не знаемъ и возможности нѣтъ никакой провѣдать. Какъ перебѣгли сюда, мы не одной вѣсти не получали съ той стороны Дрины. Какъ тамъ наши перебиваются, живы ли, или уже давно померли съ голоду, перебиты ли всѣ, одинъ Богъ вѣдаетъ. Можетъ и погибли давно. Въ нашемъ царствѣ вѣдь это не великое чудо. Бывали и прежде такіе страшные случаи, что по цѣлымъ семьямъ перебивали, да намъ объ этомъ кричать не приходилось, потому что турки не позволяютъ, они не любятъ, чтобы это извѣстно было христіанскому міру. Имъ тогда много хлопотъ выходитъ изъ-за насъ, проклятыхъ райевъ, а турки этого не любятъ.

— А бывали и прежде такія событія, что гибли цѣлыя семьи? — спросилъ я.

— Да, и нерѣдко. Только въ Турціи, знаете, этой статистики, какъ у васъ тамъ, въ Европѣ, не существуетъ. У турецкаго правительства это вредная наука и оно боится ея хуже чумы. Вотъ мы, попы, записываемъ имена всѣхъ убитыхъ турками христіанъ (въ синодикахъ, поминаньяхъ). Вотъ это и есть наша статистика. Мы ее читаемъ предъ престоломъ праведнаго Бога и то знаете только *въ умѣ*, потому что турки (черезъ шпионовъ) строго слѣдятъ за на-

ми. Если узнаютъ, что поминаютъ убитыхъ, начнутъ преслѣдовать, говорятъ — погнѣ возмущаетъ райю... Быть можетъ эту нашу поповскую статистику когда нибудь и прочтутъ въ Европѣ. Она много можетъ рассказать изъ исторіи несчастной райи — за эти долгіе вѣка рабства...

Много я наслышался отъ священниковъ босняковъ, много узналъ, чего не узнаешь, пожалуй ни въ одной европейской газетѣ быть то хоть самъ „всезнающій“ англійскій „Times“ или притворяющійся всезнающимъ нашъ русскій „Голосъ“. Но я и сейчасъ не могу безъ боли въ груди вспомнить эти рассказы и разсужденія ихъ про прошлое, настоящее и будущее ихъ родной Босны. Правда, эти рассказы и разсужденія, какъ будто, слишкомъ наивны, простые и ужъ совсѣмъ безхитростны. За то они поражаютъ „европейца“ своею, непривычною для него, голою правдою, ничѣмъ неприкрытою, незализанною, неподкрашеною... Ахъ! у меня больно сжимается сердце, когда припоминаю глубокую ихъ вѣру, что они и всѣ ихъ земляки скоро возвратятся и ужъ непремѣнно въ „освобожденную“ родную Босну...

Случилось, какъ-то разъ я выразилъ при священникахъ на этотъ разъ сомнѣніе.

— Боги ми, къ туркамъ теперь не пойдемъ. Скажите, зачѣмъ христіанскимъ народамъ ставить насъ опять подъ масульманство? Намъ не было подъ мусульманскимъ правительствомъ миру, нѣтъ, и не будетъ намъ легче! И зачѣмъ намъ христіанскому міру дѣлать столько хлопотъ? Пусть высвободятъ насъ изъ ихъ придавившаго насъ мусульманства, пусть дадутъ намъ хоть кроху того обезпеченія (— только ужъ не турецкими и не чрезъ турецкія теперь кровавыя руки! —), которымъ пользуются всѣ христіане на цѣломъ свѣтѣ, кромѣ несчастной райи. Пусть хоть сколько-нибудь нашу жизнь обезопасятъ... А если нельзя, если и въ самомъ дѣлѣ, невозможно и не должно, для насъ, презренной райи и этого сдѣлать, — тогда — пусть мы и просьбу объ этомъ напишемъ на всѣхъ христіанскихъ царей, — пусть мы будемъ тогда лучше рабами христіанскихъ народовъ, если имъ не противно будетъ принять въ свои подданные гуснюю райю! — Не то пусть вмѣсто родной, но всегда кровавой, нашей „Босны“ отведутъ намъ клочекъ земли въ какихъ-нибудь пустыряхъ Американскихъ и пусть всѣхъ насъ увезутъ туда... подале, съ глазъ насъ долой отъ образованной и богатой Европы! намъ тутъ, въ Европѣ, не мѣсто, и мы надобно ужъ ей!.. Такъ и скажите всѣмъ, какъ пріѣдете въ Россію. — Священникъ отчаянно махнулъ рукою и дальше уже не могъ и говорить отъ волненія и клокочущей скорби въ груди.

Здѣсь я не могу не привести, хоть въ скобкахъ, одну будто-бы, „остроумную“ шутку, — а и человека-то, какъ знаю, далеко не остроумнаго — интересную совпадениемъ мысли „остроумника“ съ тѣмъ словомъ отчаянія, которое невольно сорвалось съ языка у бѣднаго пастыря, какъ это слышалъ читатель!

— „Наконецъ, чортъ-бы его побралъ, восточный вопросъ! Видите, спать не даютъ“ возопилъ „остроумникъ“ (къ нему утромъ съ кружкой пришли отъ слав. комитета); чтобы избавить публику отъ этихъ ужъ слишкомъ ужъ надобныхъ славянъ, предлагаю любвеобильному славянск. комитету слѣдующую простую, но и радикальную, мѣру. На суммы, которыя собраны, и соберутся, комитетъ покупаетъ въ Америкѣ земли, у Биконфильда проситъ флотъ — онъ дастъ его съ радостію конечно, съ условіемъ, чтобы тамъ на англійскихъ плантаціяхъ работали — затѣмъ комитетъ славянскій, въ полномъ своемъ составѣ, подѣзжаетъ съ флотомъ къ берегамъ Балканскаго полуострова начисто огребаютъ всю эту, наконецъ, ужъ невыносимо и вѣчно жужжащую райю — и маршъ-маршъ, на всѣхъ парахъ, въ Американскія тамъ какія-нибудь штаты... съ глазъ долой!“

И вотъ теперь этимъ несчастнымъ пастырямъ боснійскимъ, которые уже бились съ *душинами* (врагами) за освобожденіе своей дорогой „Босны“, которые за лучшее будущее ея и сейчасъ готовы жертвовать всею своею кровью до послѣд-

ней капли, — остается на чужбинѣ лишь молиться за родину одному милосердному въ мірѣ Существо, Отцу Небесному, приносить ему жертву безкровную, опять вздыхать изъ глубины истерзанной души глядя на Небо, дабы, наконецъ, смилостивилось Оно надъ многострадальной ихъ матерью „рабыней Босней“, да, развѣ, по временамъ, какъ-бы въ отчаяніи и помимо воли, снова обращать свои (еще не совсѣмъ потухшіе надеждой) взоры опять въ ту сторону, гдѣ чуть не по всему свѣту *земли* могуче раскинулась родная имъ русь-богатырь, гдѣ на престолѣ этой великой страны полунощной сидитъ царь, — ихъ *стриць* *) царь, именуемый въ лѣтописяхъ міра, царемъ освободителемъ...

А. Х.

Путешествіе по Италіи отъ Альпъ до Этны.

Часть первая: отъ Альпъ до Арно.

Via-Mala.

Переѣздъ черезъ Шплюгенъ

См. рисунокъ на стр. 321).

(Продолженіе).

Via-Mala заканчиваетъ собой тотъ горный, альпійскій проходъ, который носилъ названіе Шплюгена и просирается отъ Койры до Кіавенки. Этотъ путь очень похожъ на Сень-Готардскую дорогу, но имѣетъ и свои собственные отпечатки. Что для Сень-Готарда — Рейсъ, то здѣсь Рейнгъ, но не тотъ широкій Рейнгъ, котораго воды окружаютъ безчисленное множество замковъ и церквей, а дикій, горный потокъ, шумно пробѣгающій по камнямъ и ущельямъ, среди глубокаго уединенія.

Поднимаясь вверхъ по этому проходу, мы встречаемся съ обычными достопримѣчательностями альпійскихъ горныхъ дорогъ. Въ селеніи Фельсбергъ остатки скатившейся лавины; въ Оберемсѣ — воспоминанія о тѣхъ отчаянныхъ битвахъ, которыми трехцвѣтное знамя прокладывало себѣ путь; а тамъ на крутыхъ вершинахъ — замки Планты и Реццуса. Въ первомъ показываютъ до сихъ поръ туристамъ два портрета, присланные сюда старымъ учителемъ на память его прежней дѣятельности; старики въ сосѣдней деревнѣ до сихъ поръ называютъ этого учителя господиномъ Шабо; исторія зоветь его Людовикомъ-Филиппомъ, королемъ буржуазіи.

Немного далѣе разстилается прелестная, облитая солнцемъ долина, которая на романскомъ нарѣчій носитъ названіе Валь-Домджіаска. Долина эта лежитъ очень низко; отъ сильныхъ вѣтровъ защищена она лѣсами, отъ бурныхъ волнъ плотинами; вслѣдствіе этихъ условій здѣсь могла развиться роскошная растительность. Множество деревень и замковъ оживляютъ долину, и надъ нею поднимается пикъ-Беврингъ, со своей снѣжной вершиной. Всѣ горы покрыты лѣсомъ и поэтому не имѣютъ этого мертвеннаго, обнаженнаго вида, которымъ отличаются горы напр. Урсенской долины. Воздухъ пропитанъ запахомъ сосны.

Но и эти мирныя, прекрасныя мѣста были нѣкогда

*) Въ Россіи мнѣ никогда не привелось слышать, что балканскіе угнетенные народы *называютъ нашего Государя стричемъ*. Стриць — это дядя, братъ отца. Въ семейномъ быту у сербовъ *стриць* играетъ громадную и, послѣ отца, самую важную роль. По смерти отца, стриць дѣлается полнымъ главою осиротѣвшаго семейства, заступаетъ мѣсто отца. Боже мой, какъ величественно рисуется въ ихъ воображеніи Россія! Ихъ все поражаетъ въ ней: и ея необятныя пространства, и ея многочисленное населеніе, ея города полные церквей, ея щедрость почти безъ конца и, даже, ея снѣжныя сугробы выше пояса... Но всего больше, конечно ихъ воображеніе поражаетъ многочисленнымъ войскомъ русскимъ. Не могу я безъ смѣху и сейчасъ вспомнить о Георіи, съ его постояннымъ ко мнѣ вопросомъ: «А скажи-ка мнѣ, Александръ, сколько Россія по бѣдности — то своей можетъ выставить войска?» И когда я, иронически, ему отвѣтилъ: «да Россійшка, по бѣдности-то своей, чай наберетъ, при нуждѣ, какихъ-нибудь милліончика два», мой совсѣмъ развеселѣвшій батюшка хлопалъ отъ удивленія по колѣнамъ, и заливался такимъ радостнымъ смѣхомъ, какъ будто эти войска — вотъ-вотъ уже гонятъ ненавидѣнныхъ угнетателей изъ его дорогой «Босны». Потомъ, вѣрно, чтобы продолжить свое удовольствіе снова лѣзъ ко мнѣ съ своимъ неотвязнымъ вопросомъ... Пытали меня отцы духовные и о томъ, видѣлъ-ли я царя, наследника-цесаревича, и сколько разъ.

свидѣтелями кровавыхъ распрей: во время тридцатилетней войны когда и взрослые дѣти брались за оружїя, не одинъ чужеземный владѣтель падалъ здѣсь, обливаясь собственной кровью... Монастырь въ Кацисѣ былъ построенъ еще во времена Меровинговъ, а замокъ Гогенрейуса принадлежитъ, вѣроятно, къ VI вѣку до Р. Х. Постройки церкви въ этомъ замкѣ приписываются Рецию, князю Тусковъ.

Уже съ Тусиса, селенїя, находящагося передъ началомъ горной дороги, пейзажъ начинаетъ замѣтно измѣняться. Скалы какъ бы судорожно сдвигаются, и между ними, какъ бы вырываясь изъ страшныхъ тисковъ, клубится Рейнъ, бурно, бѣшено, неудержимо. Прошло четыре столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ проведена была первая дорога, имѣвшая не болѣе четырехъ футовъ ширины; еще раньше, тутъ была только пѣшеходная тропинка. Затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія приступлено было къ сооруженію большихъ каменныхъ мостовъ, и уже гораздо позже пробленъ былъ туннель. Въ жаркіе, лѣтніе дни со стѣнъ туннеля капаетъ вода, что обуславливаетъ постоянную сырость. Скалы достигаютъ здѣсь гигантскихъ размѣровъ; на двѣсти футовъ возвышаются онѣ по обѣимъ сторонамъ пути, образуя сверху промежутки въ каменнубудь десять метровъ ширины (по крайней мѣрѣ такъ кажется), а внизу въ страшной глубинѣ едва виднѣтся Рейнъ, шумно пробѣгающій по камнямъ. Не безъ нѣкотораго ужаса приходится слѣдить за мостомъ, который съ мощной отвагой охватываетъ оба берега и наконецъ достигаетъ конца Via-Mала. Природа, точно истощивъ всю свою суровость, снова смягчается; еще нѣсколько шаговъ,—и мы опять среди прелестной долины, въ лѣсу, изъ-за котораго выглядываютъ альпійскія хижины.

Эта долина называется Шамсъ. Трудно представить себѣ, чтобы мирные обитатели долины обнаруживали когда-либо воинственные наклонности, а между тѣмъ и эти идиллическія мѣста были свидѣтелями кровавой распри. О владѣтеляхъ Беренбурга, которымъ принадлежала долина Шамсъ, повѣствуютъ мало хорошаго. Ихъ управленіе напоминаетъ подвиги Генслера; они не щадили на народной свободѣ, ни народныхъ полей. При Гансѣ фонѣ Рейхбергѣ и Гейнрихѣ Рециюзѣ, страстующіе рыцари соединенныхъ замковъ напали на Шамскую долину, распустивши предвѣстительно слухъ о большой охотѣ, съ цѣлью обмануть жителей. Все тѣснѣе и тѣснѣе окружали долину вражескія толпы, пока наконецъ нѣсколькимъ пастухамъ не удалось открыть ужасную истину. Расправа была короткая; немедли ни минуты полетѣли гонцы въ сосѣднія долины; помощь не заставила себя ждать. Враговъ перекололи, а замокъ былъ осажденъ и жители его погибли отъ голодной смерти. Гейнрихъ фонъ Рециюзъ былъ осужденъ на смерть, но крестьяне помиловали его, въ уваженіе просьбы его стараго слуги.

То, что мы сейчасъ рассказали, происходило лѣтъ чetyреста тому назадъ, но и теперь еще тотъ же духъ, та же готовность защищать свой домъ и свое стадо съ оружіемъ въ рукахъ составляетъ выдъ ющуюся черту въ характерѣ жителей Циллиса, Фердюна и Андсера.

Шлюгенская дорога состоитъ изъ нѣсколькихъ одна на другой расположенныхъ террасъ. Первою гигантскою ступенью является Домджайская долина, которую отдѣляетъ Via-Mала отъ Шамской, образующей слѣдующую ступень; но и эта, въ свою очередь, отдѣлена каменными стѣнами отъ третьей террасы, образуемой Рейнвальдской долиной. Здѣсь лежитъ мѣстечко Шлюгенъ,—самая возвышенная точка прохода (около 7000 футовъ надъ поверхностью моря). Растительность этой долины не такъ богата, какъ въ двухъ предыдущихъ, но и здѣсь встрѣчаются прекрасныя сосновые лѣса, а на поляхъ красуются голубыя головки льна и розъ, которая посѣваетъ, впрочемъ, только поздней осенью. Въ Шлюгенѣ расходятся тракты Кіавенскій и Беннцонскій. Почтовая дорога придаетъ пестроту и жизнь Шлюгену. Зимомъ переѣздъ совершается на маленькихъ саняхъ; лошади впрягаются гуськомъ, а ямщикъ идетъ подлѣ; сани движутся шагомъ.

Мартиньеръ писалъ въ 1740 году, что въ окрестностяхъ Шлюгена есть небольшое, таинственное озеро; оно скрыто глубоко въ горахъ между Рейнвальдомъ и Шамсомъ. Это озеро онъ называетъ Каландари. Окружность озера такъ мала, что можно перебросить камень съ одного берега на другой, но глубина его неизмѣрима. Преданїя говорятъ, что это озеро обладаетъ магической силой, которая непреодолимо тянетъ въ его глубину; по этому поводу рассказываютъ, напр. что молодая женщина, потерявшая дорогу и заснувшая отъ усталости на берегу озера, исчезла безъ слѣда, а въ четырехъ миляхъ отсюда былъ найденъ передникъ и ключи пропавшей женщины, выброшенные на берегъ водами Рейна. Характеръ этихъ сказаній, напоминающій нѣмецкіе средневѣковые баллады, ясно указываетъ на нѣмецкое ихъ происхожденіе. Здѣсь

живутъ еще нѣмцы, правда, согрѣваемые уже южнымъ солнцемъ, но сохранившіе особенности нѣмецкаго склада ума: мечтательность, предрасположеніе къ таинственному и нѣкоторая слащавость творчества; они и здѣсь перенесли эти особенности, составивъ легенды, которыя такъ мало подходятъ къ строгому, суровому характеру альпійской природы.

Подъ гору дорога идетъ черезъ Лиру, мимо водопада Мадезимо, длинныя галлерей образованшіяся изъ лавинъ защищаютъ дорогу, и только проѣхавъ Кампо-Дольчино путешественникъ видитъ наконецъ прекрасный, старинный городъ, окруженный садами, съ южной растительностью, крѣпкими каменными стѣнами и оригинальнымъ названіемъ: Кіавена. Это слово происходитъ отъ латинскаго корня: clavis и итальянскаго слова chiave—ключъ; и дѣйствительно то ключъ къ сокровищамъ Италїи.

Сень-Готардская дорога.

Отъ южнаго берега озера четырехъ кантоновъ начинается большая дорога черезъ Альпы; проходитъ

нныя деревья, вырванные съ корнемъ лавинами, зацѣпились за камни въ узкихъ ущельяхъ и висятъ на скалахъ. Культурныя растения попадаютъ все рѣже и рѣже и, наконецъ, вовсе исчезаютъ. Уже въ Вазенѣ кончается лиственный лѣсъ и только кое-гдѣ виднѣются жалкія вишневыя деревья и послѣднія, желтѣющія поля.

Еще суровѣе дѣлается эта горная природа за Гешекомъ. Здѣсь, собственно, уже нѣтъ пейзажа; здѣсь только какой-то хаосъ каменныхъ массъ, надъ которыми поднимается ослѣпительный Голенстокскій ледникъ, который какъ бы захватываетъ въ свою пользу весь свѣтъ и грозно смотритъ на мракъ, разстилающійся подъ его ногами... Какой-то ужасъ овладѣваетъ при видѣ этого исчезновенїя всякой жизни; скалы сдвигаются и путешественнику становится понятной народная легенда, въ которой дьяволъ помогаетъ строить мостъ, перекинутый черезъ стремнину. Дорога огибаетъ уголъ скалы, грохотъ водопадовъ увеличивается, еще одна минута и передъ глазами путника—Чортовъ мостъ.

Это — самое замѣчательное мѣсто Сень-Готардскаго прохода, но не по высотѣ своей, а какъ памятникъ человѣческой смѣлости и энергїи... Немудрено поэтому, что и здѣсь воображеніе народа создало преданіе. По словамъ легенды, когда въ старыя времена обитатели Урсенской долины задумали постройку моста и крѣпко затруднились выполненіемъ такого труднаго дѣла,—къ нимъ явился чортъ и предложилъ свои услуги, но съ условіемъ, что по окончаніи моста ему будетъ предоставлена душа того человѣка, который первый пройдетъ по новому мосту. Урсенскіе жители были не промахъ; на предложеніе чорта они согласились, но когда мостъ былъ оконченъ, они прогнали черезъ него прежде всего собаку и ее, какъ говорить преданіе, разорвало послѣ того на части. Чортъ разсердился за такое невыполненіе обязательства и сталъ швырять скалами, желая разрушить собственное произведеніе. Одинъ изъ такихъ колоссальныхъ камней лежитъ до сихъ поръ на дорогѣ, у самого Гешена. Этотъ древній, настояшїй Чортовъ-мостъ представляетъ собой развалину, и находится нѣсколько ниже теперешняго.

Въ 1799 году, когда французы, русскіе и австрійцы встрѣтились въ этой глуши,—старый мостъ былъ взорванъ и по гнилымъ балкамъ, перекинутымъ черезъ зияющую пропасть переходили суровоскія войска.

Новый мостъ былъ построенъ въ 1828—30 году. Его арка нѣсколько короче прежней, она возвышается на 95 футовъ надъ потокомъ.

Послѣ Чортова моста вскорѣ начинается Урсенскій туннель. И здѣсь пришлось человѣку вооруженной рукой бороться съ природой; какъ тамъ нуженъ былъ мостъ черезъ пропасть, такъ здѣсь требовалось пробить гранитную твердыню. Старый туннель былъ уже и ниже теперешняго, но все-таки имѣлъ до 200 футовъ въ длину и стоилъ восемь тысячъ гульденовъ,—такая громадная сумма въ то время удивляла всю Европу. Кто бы могъ предположить тогда, что полтора столѣтія спустя будетъ построенъ монъ-сеніскій туннель, который обошелся въ семьдесятъ пять милліоновъ франковъ! (См. рис. на стр. 317.) Да и въ Сень-Готардскихъ скалахъ снова раздается звукъ молота; вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ строится новый, громадныхъ размѣровъ туннель для проведенія желѣзнаго пути, который соединитъ германскія желѣзныя дороги съ итальянскими.

Урсенская долина, поэтическое описаніе которой сдѣлалъ Шиллеръ, отличается почти полнымъ отсутствіемъ лѣса. Здѣсь можно встрѣтить прекрасныя пастбища, но ни одного дерева, и самыя горы, окружающія долину голы и пусты. Только одно составляетъ исключеніе: на ней съ незапамятныхъ временъ виднѣтся зеленый треугольникъ изъ вѣковыхъ сосенъ, которыя, подъ страхомъ смертной казни, запрещено рубить, по той причинѣ, что зеленыя стѣны этихъ сосенъ защищаютъ селеніе отъ снѣжныхъ обваловъ. Въ 1799 году, во время войны, впервыя проникъ топоръ въ этотъ заповѣдный лѣсъ: до сихъ поръ еще сохранились слѣды этого нашествїя.

За Урсенской долиной и Гаспендалемъ пейзажъ снова мѣняется,—онъ снова дѣлается мрачнымъ и пустыннымъ. Здѣсь послѣдняя, колоссальная ступень къ вершинѣ Сень-Готарда; смѣлыми изгибами идетъ дорога между скалъ и, наконецъ, доходитъ до знаменитой гостиницы, находящейся на самомъ высокомъ пунктѣ этого прохода. Въ этой гостиницѣ ежегодно находятъ прїютъ около десяти тысячъ путешественниковъ. Здѣсь не берутъ никакой платы, но принимаютъ добровольныя приношенїя. Гостиницей завѣдываютъ монахи.

На вершинѣ Сень-Готарда находится озеро Лаго-Люендро, окруженное со всѣхъ сторонъ скалами. Изъ него вытекаетъ Рейсъ, а изъ другаго небольшого озера, по сосѣдству отъ Лаго-Люендро, беретъ свое начало Тичино, который протекаетъ до самого Милана, слѣдуя по краю горнаго пути. Вокругъ Люендрскаго озера, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ

Чортовъ-мостъ.

она по мѣстамъ, напоминающимъ путешественнику преданіе о Вильгельмѣ Теллѣ, равно какъ и самый памятникъ, воздвигнутый въ честь этого швейцарскаго героя на площади, въ Альтдорфѣ,—хотя историки за послѣднее время подвергли сомнѣнію самое существованіе этого героя.

Весьма скоро, послѣ выѣзда изъ Альтдорфа дорога начинаетъ идти въ гору и ведетъ прямо въ Сень-Готардскій проходъ. Голыя скалы все ближе и ближе подвигаются къ самой дорогѣ, а передъ нами, какъ бы пересѣкая путь, возвышается Бристенстокъ. Шумя и пѣнясь протекаетъ Рейсъ по своему узкому ложу. Мѣстами, однакожъ, дорога расширяется, по сторонамъ ея стелются зеленые луга и прїютились красивыя деревенки, окруженныя липами и кленами. Бурные водопады осыпаютъ дорогу водяными брызгами, огром-